

Наш корреспондент встретился с Муслимом Мукимовичем и взял небольшое интервью.

— Муслим Мукимович, для нынешнего молодого поколения вы — уже, можно сказать, история музыкального искусства республики. Но без прошлого нет настоящего и будущего. Эта крылатая фраза относится и к биографии музыкального искусства нашей республики. Для тех, кто уже, к сожалению, не услышит и не увидит ваше творчество на сцене, расскажите немного о себе, о Ришате Мукимовиче, как все начиналось и что памятно лично вам?

— Родились мы с Ришатов в Усть-Каменогорске, в семье рудничного коногана. Я старший брата на целых... двадцать минут. Семья у отца была большая, семеро детей, один другого меньше. Когда нам было по три года, умерла мама. Жилось трудно. И уже в двенадцать лет мы с братом помогали отцу зарабатывать на жизнь. Возили руду на конной тележке к обогатительной фабрике, пасли скот. И пели. Вообще с братом научились петь раньше, чем говорить. Вечерами отец часто брал в руки домбру и, мягко трогая струны, играл народные песни, а мы с братом пели эти песни одну за другой.

В округе люди рано заметили наше ление. Во время мусульманского праздника ораза нас специально ждали и просили петь жарпазан по несколько раз, искренне при этом одаривая. Позже в рабочем клубе Белоусовского рудника почти каждый концерт художественной самодеятельности проходил с нашим участием. И мы с удовольствием пели и в хоре, и каждый в отдельности под аккомпанемент отцовской домбры. Затем стали петь дуэтом казахские народные песни.

— А когда появилась на жизненном и творческом горизонте Алма-Аты и связанный с этим дальнейший путь в большое искусство?

— В 1932 году я приехал в Алма-Ату в гости к родственникам. В это же время в городе открылся первый в Казахстане музыкальный техникум. Конечно, я не мог в то время блеснуть знаниями и стал студентом только благодаря природной одаренности и умению играть на домбре и неплохо петь. На следующий год стал учиться в техникуме и Ришат. Мы много не умели и не знали: читать ноты, ставить голос, петь в сопровождении оркестра. Но нам повезло: у нас были опытные, великодушные и прекраснознающие свое

дело педагоги из Москвы и Ленинграда. А учебной частью заведовал умелый организатор, композитор и режиссер, выпускник Ленинградской консерватории Ахмет Жубанов.

Осенью 1935 года национальные отделения при Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского приняли первую группу студентов из Казахстана. В

Нам в жизни повезло на учителей и партнеров по сцене. Это были такие прославленные артисты, как Куляш Байсейтова, Жумат Шани, Курманбек Джандарбеков, Манарбек Ержанов.

— Большая и долгая жизнь в искусстве. Оперные партии, разные по тематической и эмоциональной окрашенности, драматические и трагедийные.

езжали на фронт с концертами в составе творческих бригад.

— Вы хорошо, проникновенно сказали о зрителях тех далеких и суровых сороковых. А сегодняшний зритель? Отличается он, если можно так выразиться, внутренним содержанием и внешними проявлениями восприятия музыкального искусства?

— Зритель был замечательный. Жажущий духовной жизни и благодарный. Вы знаете, в то время в народе, а особенно у молодежи, прямо-таки бурлила жажда познания. Я по себе сужу, жажда знаний была необходимостью, как воздух, пища, вода. Молодежь стремилась к культуре, искусству. Больше узнать, увидеть. Должен сказать, что во время войны в Алма-Ату были эвакуированы многие столичные театры, Мосфильм... Работая и общаясь с прославленными мастерами сцены и кино, казахское искусство получило большой импульс для своего дальнейшего развития.

Сейчас наблюдается обидное и тревожное духозное обнищание. Многие ударились в крайность, считая достойной внимания только рок-музыку, классическая же часть представляется неинтересной и скучной. Это не их вина, скорее, это их беда. Видимо, что-то серьезное упущено в воспитании. Любовь к прекрасной музыке, ее понимание и тяга к ней должны, на мой взгляд, воспитываться едва ли не с пеленок. Но я уверен, что большое, настоящее искусство будет снова трепетно любимо и понятно людям. Такое время придет, непременно.

— Муслим Мукимович, вы считаете себя счастливым человеком и художником?

— Да, я счастлив. Прожита большая творческая жизнь. Было все — и удачи, и огорчения. Кроме работы на оперной сцене мы с Ришатов вели концертную деятельность. Очень любил исполнять казахские народные песни, романсы русских композиторов, неаполитанские песни. Жил с песней и любовью к ней.

Счастливы тем, что в становление казахского сценического музыкального искусства вложен и наш скромный труд. Счастлив я и в семейной жизни. Вместе со своей женой и верным другом Камиш Карабажиной работали, растили детей. Через всю жизнь пронесли нежность чувств и взаимопонимание. И теперь мы не одиноки. Рядом дети, внуки. Жизнь продолжается.

Беседу вела
Ольга КРЕЙМЕР.

ЭТО БЫЛО, БЫЛО...

Ришат и Муслим Абдуллины — два этих имени долгие годы были связаны с оперным искусством республики. Яркая их жизнь в музыке, песне, с которой они не расставались почти полвека, на памяти многих любителей и ценителей оперного искусства.

150 лет... на двоих. Такой своеобразный юбилей нынче у братьев Абдуллиных.

К сожалению, Ришат Мукимович уже ушел из жизни. Но творчество братьев Абдуллиных живо в сердцах людей. Теплотой и любовью их принимали земляки — рудокопы Рудного Алтая, шахтеры Караганды, нефтяники и животноводы Казахстана. Они стали поистине народными певцами, и с полным правом братьев Абдуллиных можно отнести к числу основоположников оперного искусства в Казахстане.

Интервью с юбиляром

этой группе оказался и я. Это был самый счастливый день в моей жизни. А весной следующего года в Москву приехал и Ришат как участник Декады казахского искусства и литературы. Показывали москвичам музыкальную драму Евгения Брусиловского «Кыз-Жибек». И хотя Ришат был всего лишь солистом хора, но то, что пришлось петь на сцене Большого театра, окрыляло нас. Двадцать лет спустя москвичи увидят «Кыз-Жибек» в новой редакции. Опера имела успех.

Жизнь и учеба в Москве очень много дала не только в профессиональном плане, но и дала возможность глубоко познать русскую и мировую культуру. Походы в музеи, театры, залы Третьяковской галереи были своего рода университетам.

Здесь же, в Москве, мы с Ришатов подготовили и впервые спели на русском и казахском языках романсы Глинки, Чайковского, Даргомыжского, а также неаполитанские песни.

Какие из них вам особенно памятны?

— Самая памятная, пожалуй, премьера оперы «Абай» Ахмета Жубанова и Латифа Хамиди на либретто Мухтара Ауэзова. Состоялась она в декабре 1944 года. Шла война. В театре было холодно и промозгло, но мы, казалось, не замечали этого. Зал был полон. Здесь выписавшиеся накануне из госпиталей бойцы, офицеры, женщины в темных платках и фуфайках. Какие это были благодарные слушатели! Тогда еще никто не знал, что «Абай» на оперной сцене уготована долгая жизнь. С тех пор стало хорошей традицией каждый сезон казахского театра открывать этим спектаклем. И почти сорок лет зрители рукоплескали Абаю Ришата.

Потом были и «Евгений Онегин» в постановке Канабека Байсейтова. Партии Евгения Онегина и Ленского пели мы с братом. Партию Татьяны — блестящая Куляш Байсейтова.

За годы войны трижды вы-

Казахстанская правда. - Алма-Ата. - 1991. - 12 марта